

Алгоритм действий маркетплейсов по защите интеллектуальных прав КС РФ сформулировал на основании устоявшихся в мировой практике подходов: при получении письменной претензии правообладателя владелец маркетплейса направляет ее продавцу, после чего сам проводит в доступном объеме проверку обоснованности претензии и доказательств, представленных в свою защиту продавцом. Маркетплейс не арбитр, поэтому он констатирует не нарушение, а наличие его признаков, и не блокирует реализацию товара, а приостанавливает ее на период судебного разбирательства правообладателя с продавцом.

Для защиты от необоснованных претензий (патентного троллинга) КС РФ сказал о праве владельца маркетплейса требовать от подателя претензии возмещения убытков, если тот не обратится в суд либо проиграет спор. Заявление необоснованной претензии, в том числе при злоупотреблении правом, может повлечь также публично-правовую ответственность ее подателя, в частности за недобросовестную конкуренцию.

Владелец маркетплейса может понести ответственность за нарушение алгоритма действий и непринятие предписанных мер, принимать которые необходимо до обращения правообладателя в суд.

Наиболее чувствительной для маркетплейсов может стать обязанность раскрывать по запросу суда сведения о продавце товара, чтобы обладатель исключительных прав узнал, с кого требовать компенсацию за нарушение. Маркетплейсы становятся подобны витязю на распутье: направо пойдешь — продавцов потеряешь, налево пойдешь — самому за контрафакт отвечать придется.

**ЮЛИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
ТАЙ**

кандидат юридических
наук

О работе высших судов

Писать о работе высших судов весьма ответственно, интересно, а главное, просто, поскольку они всегда всё «отливают в граните». И хотя речь пойдет о результатах их деятельности только в июне, нельзя не сказать несколько общих выводов об изменяющихся модусах функционирования.

Начнем с Конституционного Суда России. Прежде всего стоит обратить внимание на явное повышение его активности, которое выражается в значительном увеличении числа провозглашенных постановлений. Два десятилетия подряд Суд генерировал чуть более 10 постановлений в год, последние пару лет — около 50 в год, а в этом году по состоянию на конец июня — уже 44 (!), т.е. при такой интенсивности труда их может быть около 100 по итогам всего года. Чем это можно объяснить? Достоверно сказать невозможно, не будучи инсайдером, но у меня есть версия: «новая судейская кровь» требует активности, молодые судьи желают заявить о себе, выразить свое мнение и позицию. Кроме того, КС уже несколько лет как будто хочет доказать государству и обществу, что его сотрудники не зря едят свой хлеб и от их деятельности есть польза и немалые результаты. При этом очевидно, что далеко не все правовые (особенно в области публичного права, политики, уголовного права

и процесса) вопросы они готовы решать; однако в безопасной (в основном цивилистической) сфере судьи КС проявляют заметную активность.

Второе наблюдение: появление новых авторов текстов постановлений, изменения в самой юридической технике, стилистике написания. Особенность в том, что одни постановления продолжают писаться в старой (привычной), я бы сказал, высокопарной манере, с огромным количеством цитат из предыдущих постановлений и определений, ссылок на практику ВС, а также предложений на целый абзац в 10–12 строчек, а другие — намного более простым и живым языком, сократическим диалогом, через рассуждения, с последовательным перечислением вопросов и их последовательным решением. При этом отнюдь не только приводятся правовые доводы, аргументы, суждения, но и принимаются в расчет экономические, социальные, отраслевые резоны, даются ссылки на объемы рынка (фармацевтика, маркетплейсы и т.д.), возможность оказания воздействия на участников рынков (стимулирование, дестимулирование, риски и угрозы). Подобный метод изложения, конечно, намного более доступен и вызывает доверие, поскольку тут говорит не сила власти, а сила убеждения.

Третье — КС стал чаще проводить открытые судебные заседания, куда приглашаются не только участники процесса, предусмотренные законом, но и многие заинтересованные лица, включая представителей науки, а порой и просто активные юристы (по их ходатайству, в инициативном порядке), что, конечно, очень хорошо, поскольку позволяет судьям услышать большую палитру мнений, позиций, аргументации. И выслушав всех, включая занимающих диаметрально противоположные позиции, высший суд получает шанс провозгласить более качественный текст, с более глубокими доводами и аргументами. Попутной пользой становится демонстрация как юристам, так и всему обществу процесса обсуждения и формирования правовых позиций КС. Когда правосудие транспарентно, то это неизбежно повышает уровень как доверия, так и уважения к результатам его деятельности. Возможен, правда, и обратный эффект, но только в том случае, если происходящее в суде не может считаться реальным правосудием. И тогда фигуры умолчания, теневой характер происходящего становятся понятны и даже неизбежны. Нельзя же населению демонстрировать кривосудие/левосудие?!

В июне было провозглашено аж 8 Постановлений, но здесь мы расскажем только об одном, самом примечательном.

Конституционный Суд России 16 июня провозгласил Постановление № 39-П, оно принято в открытом заседании после заслушивания сообщения судьи-докладчика А.Ю. Бушева. Предметом проверки стали п. 1 и 3 ст. 1253.1 ГК РФ об ответственности информационных посредников в связи с жалобой ООО «Мир Хобби».

За этим делом следили многие, поскольку функционирование маркетплейсов (воронок торговли) вызывает как интерес, так и беспокойство. Не уверен, что их развитие однозначно служит общему благу и полезно для населения. Но у меня нет окончательного мнения по этому вопросу.

Текст рассматриваемого Постановления ближе к научной статье или лекции университетского профессора, в которых в форме почти сократического диалога суд демонстрирует ход и логику своих рассуждений, включая скрытые риторические вопросы, позиции «тезис/антитезис», а также использует словесные конструкции непривычного в отечественном правосудии свободного (публицистического) стиля, например: «При этом значение имеет не только отсутствие сведений о неправомерности использования („не знало“), но и извинительное незнание об этом („не должно было знать“)». Вообще в этом рассуждении далеко не все доводы касаются правовых вопросов, много доводов отраслевых (как работают маркетплейсы, в чем смысл их деятельности, какие у них конфликты интересов), экономических (кто и как может и должен делать с точки зрения бизнес-логики), социальных и др., а также того, что принято называть экономическим анализом права. Еще два года назад большинство постановлений на 80% состояли из самоцитирования (ранее провозглашенных постановлений и определений КС), а в рассматриваемом Постановлении большая часть доводов и аргументов убеждает в силу их простоты, последовательности, логичности и содержательностью. Например, такое: «О таких нарушениях, очевидных любому лицу, действующему с разумной степенью осмотрительности, могут свидетельствовать, в частности, намного более низкая цена, не характерная для товаров данной категории, подражание широко известным брендам (например, использование обозначения, которое отличается от общеизвестного товарного знака на одну букву) и т.д.»

В чем же суть споров и правовых развилочек?

ООО «Мир Хобби» обладает исключительной лицензией на иллюстрации и дизайн коробки настольной игры «Мафия. Вся семья в сборе». Обнаружив на маркетплейсе предложение о продаже контрафактных копий игры, общество направило владельцу площадки претензию, а затем обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав в размере 9,2 млн руб.

Суды отказали в иске, посчитав владельца маркетплейса информационным посредником, который не обязан предварительно проверять товары и информацию, размещаемую продавцами, а также пришли к выводу, что он выполнил условия освобождения от ответственности, уведомив продавцов о поступившей претензии.

Заявитель утверждал, что сложившаяся практика фактически позволяет маркетплейсам уклоняться от ответственности даже при активном участии в реализации контрафактных товаров.

КС зрит в корень и подчеркивает, что законодатель обязан обеспечивать баланс между интересами правообладателей и участников электронной торговли: «...регулирование обеспечивало интересы правообладателей, государства и общества на основе баланса их интересов».

Суд отверг мнение о том, что любой маркетплейс автоматически утрачивает статус информационного посредника из-за оказания дополнительных услуг.

Но даже признание лица информационным посредником при отсутствии его вины само по себе не является абсолютным основанием для освобождения от ответственности. Для такого освобождения должны быть соблюдены все условия, предусмотренные п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ. Закон не возлагает на маркетплейсы обязанность сплошного мониторинга: «Знание о неправомерности использования <...> не может вменяться владельцу маркетплейса лишь на том основании, что им не осуществляется предварительная проверка товаров», но иное толкование «лишало бы смысла установление особенностей ответственности информационных посредников».

Суд сформулировал новый стандарт поведения владельцев маркетплейсов. По мнению КС, «на владельцах маркетплейсов лежит обязанность по принятию необходимых технических мер, направленных на выявление и пресечение явных нарушений интеллектуальных прав». Следовательно, полное безразличие к очевидным нарушениям несовместимо со статусом добросовестного посредника.

Больше всего мне понравились рассуждения КС на тему фактического наделяния маркетплейсов некими полномочиями арбитра между правообладателем и предполагаемыми нарушителями его прав:

«Вывод о необходимости проверки означает, по сути, **возложение на владельцев маркетплейсов функций арбитра** (выделено мной. — Ю.Т.), призванного, с одной стороны, пресечь нарушение интеллектуальных прав, а с другой — не допустить недобросовестного использования данного инструмента в противоречии с его предназначением. При этом какими-либо полномочиями по выяснению фактических обстоятельств они не наделяются. Это предопределяет некоторые особенности рассмотрения заявлений правообладателей.

Во-первых, совокупность доказательств, представленных подателем заявления, должна *prima facie* (на первый взгляд) подтверждать наличие у него исключительных прав <...>

Во-вторых, признавая заявление обоснованным и осуществляя меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав, владелец маркетплейса, по сути, констатирует не нарушение интеллектуальных прав, а наличие его признаков».

Это редкий, можно даже сказать, исключительный для российского высшего суда случай готовности поделить некой частью компетенции судов, наделяющей арбитра возможностью пытаться в форме квазитретейских по правовой сути и технологичных по форме полномочий урегулировать проблему без подключения государственной судебной системы. Мне представляется, что это только очень маленький (робкий) шаг в этом направлении, но хорошо, что он сделан.

КС фактически сформировал новый порядок реагирования на жалобы правообладателей. Суд пришел к выводу, что владелец маркетплейса «не прини-

мает окончательного решения о блокировке <...> а лишь приостанавливает размещение информации о таких товарах на срок, необходимый для обеспечения <...> возможности защитить свои права в судебном порядке». То есть модель поведения должна быть такой: не «уведомить продавца и ничего не делать», а временно пресечь распространение спорного товара до разрешения конфликта судом. А повторные нарушения вообще исключают возможность ссылаться на незнание.

Также очень приятно сознавать, что КС между строк дал намек маркетплейсам, что ему понятен имеющийся у них конфликт интересов, поскольку они зарабатывают на обороте (вне зависимости от того, насколько он легален), а потому пресекать серые сделки, в том числе с контрафактом, собственникам маркетплейсов экономически невыгодно, но на другой чаше весов (указал высший суд) имидж, реноме, законность, и, в конце концов, возможная солидарная ответственность (и не только гражданско-правовая) за нарушение интеллектуальной собственности. Только жизнь покажет, насколько столь тактичная, тонкая, деликатная и даже куртуазная интенция будет понята и реализована адресатами.

В итоге КС признал п. 1 и 3 ст. 1253.1 ГК РФ соответствующими Конституции, но только в том конституционно-правовом смысле, который был раскрыт в Постановлении. Основные итоговые выводы КС сводятся к следующему:

- 1) маркетплейс может признаваться информационным посредником даже при оказании дополнительных услуг;
- 2) для освобождения от ответственности недостаточно формально сослаться на статус посредника;
- 3) при получении обоснованной претензии правообладателя маркетплейс обязан приостановить размещение информации о спорном товаре на период судебной проверки требований;
- 4) повторные нарушения со стороны одного и того же продавца исключают возможность ссылаться на отсутствие осведомленности;
- 5) уклонение маркетплейса от исполнения обязанностей по раскрытию информации и содействию суду является основанием для отказа в освобождении от ответственности.

При этом КС предоставил участникам рынка маркетплейсов трехмесячный адаптационный период для приведения своей практики в соответствие с новым конституционно-правовым стандартом защиты интеллектуальных прав.

И эту оговорку можно тоже только поприветствовать и даже назвать правосудием с человеческим лицом, поскольку оно не выражено в стиле *Dixi*, а скорее служит приглашением к дискуссии и дальнейшему развитию права в данной области, но при этом с учетом интересов всех сторон и соблюдением правила «не навреди».

Чего уж греха таить, высшие суды нередко долго молчат, но потом, когда до них доходит очередь, ведут себя как слон в посудной лавке, принимая решение, не учитывающее сложность правоотношений, динамических изменений и всей сложности претворения их правильных, по сути (абстрактно рассуждая), идей в реальную жизнь.

В завершение хочется отметить, что это Постановление представляется мне одним из лучших за последние много лет.

Теперь перейдем к Верховному Суду. Не так давно отгремела канонада обсуждения правовой силы постановлений Пленума ВС РФ, которые Председателем были названы «высочайшими повелениями». Кажется, все высказались, но каково бы ни было отношение участников дискуссии к этому вопросу, вряд ли кто-то хотел бы возвысить правовую силу позиций высших судов путем понижения весомости ординарных судебных актов. Однако ВС, к сожалению, последовательно и системно демонстрирует, что только его правовые позиции обладают свойством непогрешимости, «истины в последней инстанции», желая запретить даже на уровне законодательства альтернативные трактовки норм закона, параллельно принуждая нижестоящие инстанции отчитываться о том, как они соблюдают его правовые позиции. Теоретически это правильно, поскольку одна из главных задач высшего суда — установление единообразного применения действующих законов. Тут нет ни малейших возражений, НО, чтобы не то что реализовать этот замысел, а хотя бы приблизиться к его осуществлению, надо достичь того, чтобы по всем вопросам было выработано это единообразие, а также чтобы оно было однозначно понимаемо. Разумеется, оба этих условия не выполнены в настоящее время и не будут реализованы никогда, как, собственно, и во всех остальных правовых порядках мира, поскольку эта задача в принципе не может быть решена полностью и окончательно. Это как горизонт, который удаляется по мере приближения к воображаемой линии. Жизнь слишком сложна и переменчива, чтобы что-то можно было фундаментально (на веки вечные) зафиксировать, а потому ординарные суды, рассматривая все новые замысловатые сюжеты жизни, должны, используя матрицу законов и права, разрешать спор, исходя из конкретных обстоятельств. Разумеется, делая это не произвольно, не в режиме как бог на душу положит, а опираясь на право и закон и аргументируя свое решение.

Также невозможно не обратить внимания на тот факт, что все так называемые правовые позиции ВС (в форме хоть постановления Пленума, хоть обзоров — тематических или квартальных) сами по себе не обладают правовой определенностью абсолютного характера и, разумеется, могут неодинаково пониматься и восприниматься людьми, ибо давно сказано: «Мысль изреченная есть ложь». И этот имманентный недостаток текста и речи неисправим и непреодолим в принципе. Сказанное вовсе не означает, что от обобщений нет пользы и что они не важны и не нужны. Есть большая польза, а качество их надо постоянно улучшать, но не стоит надеяться, что они будут однозначными. Чтобы в этом окончательно убедиться, можно прочитать монографии, статьи, посты, в которых рассматриваются и анализируются правовые позиции высших судов. И всегда — подчеркну, всегда — есть несколько точек зрения (иногда больше двух) на то, как их надо/можно понимать.

А теперь лишь об одном доводе из Тематического обзора ВС РФ № 8/2026 «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации».

В п. 19 сказано, что при рассмотрении спора в иностранном арбитраже с участием арбитров из числа представителей недружественных стран отсутствие беспристрастности и объективности презюмируется. Далее, как и во всем Обзоре, приводится конкретный кейс, который, впрочем, ничего не добавляет и не делает это разъяснение более понятным, скорее только путает, поскольку нагружает текст обстоятельствами именно этого дела (например, неверная оценка доказательств третейскими судьями, публичная значимость ответчика), что неизбежно приводит к вопросу: а если в другом деле такой проблемы нет, то сохраняет ли релевантность общий вывод? Если ничего не меняет, то зачем вообще это писать, а если меняет, то в какой степени и объеме?

Также нельзя не заметить терминологическую небрежность авторов: арбитры названы **представителями** недружественных стран, в то время как суд (исходя из текста приведенного прецедента) имеет в виду гражданство. Называть гражданина любого государства его представителем можно только в публицистическом смысле. Вряд ли суд может себе это позволить. А если считать, что ВС действительно имел в виду нечто большее, т.е. что учитывается не только гражданство арбитра, но и место проживания, работы, образование, родственные связи, то тем более этот термин требовал детального описания.

Далее говорится: «При этом введение иностранными государствами ограничительных мер в отношении Российской Федерации, обусловленное политическими мотивами, **не может не создавать сомнений** (здесь и далее выделено мной. — Ю.Т.) в том, что соответствующий спор будет рассмотрен на территории иностранного государства с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся **беспристрастности суда**, что составляет один из элементов доступности правосудия.

Арбитрами для рассмотрения спора были назначены **граждане иностранных государств**. <...> Следовательно, **отсутствие беспристрастности и объективности** при рассмотрении дела в иностранном арбитраже таким составом судей **презюмируется**, пока нет данных, подтверждающих обратное».

Иначе говоря, сначала ВС говорит лишь о сомнении, но оно тут же превращается даже не в презумпцию (и упомянутое в Обзоре слово «презумпция» не должно вводить в заблуждение читателя и правоприменителя), а именно в фикцию. Почему? Потому что отсутствие беспристрастности, как любой отрицательный факт, в принципе невозможно доказать. Даже теоретически: как арбитр, например, из Германии может доказать, что он беспристрастен?! Есть землю, клясться на Библии, расписываться кровью?! Что он может или должен сделать? Ведь даже если такой арбитр уже когда-либо выносил решения в пользу российского участника спора, то и это еще ничего не гарантирует. Не говоря уже о том, что результаты разбирательств в арбитраже носят тайный характер и публично не разглашаются. Так что по факту

презумпция становится неопровержимой фикцией, в соответствии с которой арбитр — гражданин страны, включенный в список недружественных, всегда пристрастен и необъективен. Но это не проходит проверку на здравый смысл, поскольку даже в самом тоталитарном и закрытом государстве существуют люди, которые не согласны с политикой и позицией их государства, представленной официальными лицами. Невозможно официальную позицию государства отождествлять с позицией конкретного гражданина, особенно когда он юрист, правовед, арбитр. Это бездоказательное объективное вменение.

Вообще, само применение презумпций и фикций в доказательственном праве может носить лишь исключительный, экстраординарный характер, который основывается на норме закона (например, фикция доставки судебного извещения), либо детально аргументируется невозможность (обреченность) ее неприменения (например, доказывание отрицательного факта). Введение же в оборот презумпций и фикций для упрощения, а по факту из-за отказа от доказывания, недопустимо. Это искажает саму суть процессуальной деятельности. Проще не значит лучше!

**ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА
ТЕРЕЩЕНКО**

руководитель
аналитического
отдела Адвокатского
бюро «Прайм Эдвайс
Санкт-Петербург»,
адвокат, приглашенный
профессор Университета
Paris X Nanterre, арбитр
РАЦ при РИСА, *FCIArb*,
кандидат юридических
наук

О цене времени в праве собственности

Постановления Конституционного Суда нередко напоминают луковцу. При первом взгляде на них порой хочется всплакнуть: десятки страниц, многочисленные ссылки на собственные правовые позиции, обстоятельные рассуждения о справедливости. Однако при смене фокуса внимания они могут принести большую пользу практикующим юристам.

Причина проста. Ценность постановлений КС РФ далеко не всегда заключается в ответе на вопрос, поставленный заявителем. Гораздо важнее те правовые конструкции, которые Суд создает по пути к этому ответу. Иногда именно они начинают жить самостоятельной жизнью, используются судами в совершенно иных категориях дел и постепенно влияют на развитие правовой системы далеко за пределами конкретного спора.

Постановление КС РФ от 9 апреля 2026 года № 22-П¹ (далее — Постановление № 22-П) является хорошей иллюстрацией этого. Заявитель резонно поднял вопрос о том, насколько допустимо изъятие земельного участка для государственных нужд до окончательного определения размера подлежащего выплате собственнику возмещения. А поводом к рассмотрению стала ситуация, в которой требование об определении размера компенсации суд выделил в отдельное производство, тогда как решение об изъятии земельного участка было принято ранее и обращено к немедленному исполнению.

¹ Постановление КС РФ от 09.04.2026 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Краснощекова Александра Дмитриевича».